

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Козубенко Ю. В. Миграционная политика в образовании как средство противодействия вербовке в экстремистские образования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 511–524. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-511-524. EDN BMUPLR

Kozubenko Yu. V. Migration Policy in Education as a Means of Countering Recruitment into Extremist Organizations. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 511–524. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-511-524. EDN BMUPLR (In Russ.)

УДК 343.123.5

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-511-524

EDN <https://elibrary.ru/bmuplr>

EDN BMUPLR

Миграционная политика в образовании как средство противодействия вербовке в экстремистские образования

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00881, <https://rscf.ru/project/25-18-00881/>

Ю. В. Козубенко

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

E-mail: yuri.kozubenko@usla.ru**Статья поступила в редакцию 15.01.2026**

Введение: научный анализ стратегических задач новой концепции государственной миграционной политики выявил определенную проблему их реализации в сфере высшего образования. По результатам изучения трех последовательно сменявших друг друга с 2014 года Стратегий противодействия экстремизму в Российской Федерации описаны современные проблемы реализации основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму в области государственной миграционной политики в образовательных организациях высшего образования. **Цель:** предложить оптимальное определение стратегических задач миграционной политики в сфере образования как способ противодействия экстремистским проявлениям. **Методы:** методологической базой исследования послужили положения концепции государственного проектного управления и стратегического планирования. В качестве основных методов использовались структурно-логический и сравнительный анализ. **Результаты:** исследованы проблемы реализации государственной политики в сфере образования, описаны способы вербовки в экстремистские образования, дана характеристика «связанных» преступлений и раскрыты особенности придания различных процессуальных статусов субъектам экстремистской деятельности. Предложено ввести запрет на одновременное рассмотрение в рамках одного уголовного дела основного и «связанного» преступления, а также установить процессуальную последовательность: уголовное дело в отношении взрослых соучастников, в том числе с обвинением по статье 150 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), рассматривается позднее уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления экстремистской направленности или организацию незаконной миграции субъектов экстремистской деятельности.

© Козубенко Ю. В., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Выводы: предложенный алгоритм позволит решить вопрос о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон по части 1 статьи 150 УК РФ, а также исключит вопрос неправосудности приговора по основному делу о преступлении экстремистской направленности в случае оправдания взрослого по статье 150 УК РФ.

Ключевые слова: экстремизм; государственная миграционная политика; реестр контролируемых лиц; законная и незаконная миграция; связанные преступления; противодействие экстремистским проявлениям; вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности

Migration Policy in Education as a Means of Countering Recruitment into Extremist Organizations

The study was funded under a grant from the Russian Science Foundation, project No. 25-18-00881, <https://rscf.ru/project/25-18-00881>

Yu. V. Kozubenko

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

E-mail: yuri.kozubenko@usla.ru

Received 15 Jan 2026

Introduction: a scientific analysis of the strategic objectives outlined in the new state migration policy concept has revealed certain problems in their implementation in the field of higher education. Based on an analysis of three successive strategies for countering extremism adopted in the Russian Federation since 2014, the article describes the current challenges in implementing the main areas of state policy regarding the countering of extremism within the context of state migration policy in educational institutions of higher education. **Purpose:** to outline the strategic objectives of migration policy in the field of education as a means of countering extremist activities. **Methods:** the study is based on the principles of state project management and strategic planning. Structural-logical and comparative analyses were used as the main methods. **Results:** Issues in the implementation of state policy in the education sector have been studied; methods of recruitment into extremist groups are described; the phenomenon of related crimes is presented; the assignment of different procedural statuses to individuals involved in extremist activities is explained. It is proposed to ban the simultaneous consideration of the main (substantive) crime and a related crime within a single criminal case and to establish a procedural sequence: the criminal case against adult accomplices – including those charged under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation – should be heard only after criminal proceedings against a minor involved in the commission of an extremist crime or in the organization of illegal migration for individuals engaged in extremist activities. **Conclusions:** the proposed algorithm would make it possible to resolve the issue of the possibility of terminating a criminal case due to the reconciliation of the parties under Part 1 of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also would eliminate the issue of the invalidity of the verdict in the main (substantive) case concerning an extremist crime should the adult defendant be acquitted under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: extremism; state migration policy; register of controlled persons; legal and illegal migration; related crimes; countering extremist activities; involvement of minors in extremist crimes

Введение

В Российской Федерации на уровне национальных стратегий экстремизм признается одной из наиболее сложных проблем современного российского общества. Способствует этому и обострение внутренних угроз распространения экстремистских проявлений, к числу которых относятся склонение, вербовка или иное вовлечение российских граждан и находящихся на территории страны иностранных граждан в деятельность экстремистских сообществ. Данные проявления

не могут не затрагивать деятельность образовательных организаций высшего образования ввиду того, что с начала проведения специальной военной операции ситуация только обострилась – основной целевой аудиторией субъектов экстремистской деятельности стали преимущественно две группы населения: 1) лица пожилого возраста и 2) молодежь, в том числе обучающиеся учебных заведений. При этом вторая группа, по утверждению специалистов-криминологов, составляет до 75 % всех завербованных в состав экстремистских и террористических сообществ [10, с. 206].

Обе эти группы не только легче (в том числе ввиду возможной «мобилизации» молодежи) поддаются идеологическому и психологическому воздействию и манипулированию, но и при определенных обстоятельствах (возраст уголовной ответственности, уменьшенная или ограниченная вменяемость) не всегда подлежат уголовной ответственности.

В целях противодействия этим угрозам при работе со второй группой – обучающимися – образовательным организациям на уровне официально утверждаемых и принимаемых стратегий и политик предлагается проводить занятия, направленные на воспитание патриотизма, межнациональной, межэтнической и межконфессиональной дружбы, формирование умения отстаивать собственное личное мнение, противодействовать всеми существующими законными способами вербовке и иному вовлечению в экстремистскую и террористическую деятельность. Более того, образовательным организациям предписано не только включать в учебные планы образовательных программ и в учебно-методические материалы дисциплины, направленные на воспитание традиционных духовно-нравственных человеческих ценностей и формирование у обучающихся на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, чувства гордости за историю России, но и разрабатывать и внедрять в учебный процесс новые стандарты и педагогические методики, ориентированные на противодействие вербовке и иному вовлечению в экстремистскую деятельность. И действительно, в учебных планах начиная с 2022–2023 учебного года появились такие обязательные предметы, как «История России», «Основы российской государственности», а в учебных заведениях – должности проректоров по молодежной политике и помощники ректора по воспитанию и работе с молодежью.

Вместе с тем применительно к образовательным организациям одним из самых опасных каналов, через который наиболее вероятны склонение, вербовка и иное вовлечение российской молодежи в осуществление экстремистской деятельности, остается привлечение на обучение в образовательные организации иностранных обучающихся из стран, где распространены подобные проявления.

Неслучайно в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации начиная с 2014 года и до сих пор отмечаются в качестве весьма серьезных

такие проблемы, как проникновение из других государств лиц, проповедующих исключительность радикальных религиозных течений ислама и прошедших обучение в теологических центрах, где преподаются основы этих религиозных течений, а также попытки создания в различных регионах России законспирированных ячеек экстремистских и террористических организаций, в том числе через образовательный процесс. Среди основных факторов, порождающих экстремистские проявления, называются неконтролируемая миграция и недостаточно регулируемые на региональном и муниципальном уровнях миграционные процессы, часто нарушающие сложившийся в отдельных регионах и муниципальных образованиях этноконфессиональный баланс населения¹.

Однако среди основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму в области государственной миграционной политики названы (1) «противодействие незаконной миграции, профилактика, предупреждение, выявление и пресечение нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, а также совершенствование мер ответственности за такие нарушения» и (2) «развитие информационных систем учета иностранных граждан, пребывание которых на территории Российской Федерации является нежелательным»².

Иными словами, контроль за *законной* миграцией, в том числе за «миграционным» каналом проникновения субъектов экстремистской деятельности среди молодежи, находящейся на законных основаниях на обучении в образовательных организациях, на стратегическом уровне, по сути, даже не рассматривается. А введение с 5 февраля 2025 г. реестра контролируемых лиц не решает этой проблемы, так как цель его введения иная – миграционный учет иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации и не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации³, то есть незаконная миграция.

Концепция государственной миграционной политики в сфере образования

При обращении к таким стратегическим документам, как новая Концепция государственной миграционной политики на 2025–2036 годы⁴, важно заметить, что по сравнению с ранее действовавшей

¹ См.: п. 18 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.: утв. Президентом РФ 28 нояб. 2014 г. № Пр-2753; Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 (п. 21) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475; Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 дек. 2024 г. № 1124 (п.23) // Там же. 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8669.

² Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года...

³ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ст. 31.2) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

⁴ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента РФ от 15 окт. 2025 № 738 // Там же. 2025. № 42. Ст. 6143.

Концепцией на период с 2019 по 2025 год цели и принципы миграционной политики не претерпели существенных изменений¹.

С одной стороны, объясняется это прежде всего неизменностью таких условий формирования и реализации миграционной политики, как устойчивое социально-экономическое положение, сохранение исторических и культурных связей народов Союзного государства России и Республики Беларусь, государств – участников Содружества Независимых Государств, взаимные безвизовые поездки, учреждение Евразийского экономического союза, которые были и остаются мощными факторами миграционной привлекательности Российской Федерации.

С другой стороны, за последние годы существенно возросла миграционная активность вблизи внешних границ Союзного государства России и Республики Беларусь и в зоне его интересов. Интенсивный миграционный поток из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу, возникший в 2014–2015 годах и восстановившийся в постпандемийный период, ухудшение социально-экономического положения в Европе становятся, по свидетельству специалистов [9, с. 101; 13, с. 100–108; 24, с. 586–604; 31, с. 256–274], причиной негативных социально-экономических процессов в европейских государствах, в том числе имеющих границы с Российской Федерацией, а также способствуют проникновению в Россию через эти государства членов террористических и экстремистских структур и ячеек.

В связи с проведением специальной военной операции также наметились две опасные тенденции, которые потенциально могут влиять на распространение экстремистских проявлений. *Первая:* лица, постоянно проживающие на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, спасаясь от исходящей от Вооруженных сил Украины угрозы их жизни и здоровью, в экстренном массовом порядке начали прибывать в другие субъекты Российской Федерации, порой создавая социальную напряженность среди местного населения и в этом смысле становясь всё более подверженными влиянию вербовки экстремистских ячеек ввиду возникающего чувства своей незащищенности и ненужности, в том числе путем дистанционной вербовки посредством популяризации экстремистских идей в социальных сетях [22, с. 75], манипуляции информацией в телеграмм-каналах, создания закрытых сообществ из числа «переселенцев».

Вторая: введенная с 5 ноября 2025 г. льготная, без соответствующей проверки на причастность к экстремизму, процедура получения гражданства России иностранными гражданами и лицами без гражданства – участниками специальной военной операции, а также их супругами, родителями, детьми (в том числе усыновленными (удочеренными)) и, соответственно, их последующее льготное зачисление в российские образовательные организации². Вместе с тем международные договоры Российской Федерации напрямую запрещают предоставление статуса беженца (не говоря уже о гражданстве) таким «причастным» лицам³.

Данные факторы не могут не влиять на корректировку мер по реализации миграционной политики на концептуальной основе, однако контроль за так называемым «миграционным» каналом проникновения экстремистских проявлений и вербовки среди молодежи через обучение в образовательных организациях опять «остается за кадром», пожалуй, за исключением «применения мер государственной поддержки системы общественного контроля за выездом российских граждан для обучения в иностранных религиозных образовательных организациях»⁴. Может быть, это происходит еще и потому, что в России политическая наука, по утверждению специалистов [1, с. 180], является относительно молодой дисциплиной с неустоявшимися проблемами институционального развития, содержательные результаты которых являются предметом отдельных исследований [5, с. 151–161; 14, с. 142; 19, с. 79–88; 28, с. 131–150; 6, с. 8–23].

Изменение стратегических задач миграционной политики в России

Если цель и принципы государственной миграционной политики, как уже отмечалось, не претерпели существенных изменений, то стратегические задачи, направленные на достижение цели, с 15 октября 2025 г. изменились.

Так, в 2025 году среди новых стратегических задач миграционной политики по совершенствованию правовых, организационных и иных механизмов появились два новых механизма, регулирующих и обеспечивающих:

– осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами исходя из потребности российской экономики в иностранной рабочей силе при условии прозрачности процессов привлечения иностранных работников, осуществления контроля за этими процессами и управления ими;

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента РФ от 31 окт. 2018 г. № 622 (ред. от 12.05.2023) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6917.

² О временном порядке приема в гражданство Российской Федерации и выдачи вида на жительство в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 нояб. 2025 г. № 821 // Российская газета. 2025. 7 нояб. № 252.

³ См.: ст. 21 Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (вступила в силу 12.10.2019) // Бюллетень международных договоров. 2020. № 4. С. 3–16.

⁴ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года...

– прохождение иностранными гражданами процедур сбора биометрических персональных данных, медицинского освидетельствования, подтверждения имеющегося образования и квалификации, стажа профессиональной деятельности, а также иных процедур, необходимых для верификации их личных качеств.

При этом из механизма добровольного переселения в Российскую Федерацию исключены лица, которые способны успешно интегрироваться в российское общество, что не может не вызывать озабоченность в успешном решении вопроса пресечения миграционных каналов проникновения экстремистских элементов на территорию Российской Федерации и вербовки ими российской молодежи.

Существенно изменились и приоритеты в отношении иностранных граждан, которые благодаря своим инвестициям, знаниям, умениям и навыкам вносят вклад в развитие российской экономики, науки, профессионального образования, искусства, а также разделяют традиционные российские духовно-нравственные ценности. Если до 2025 года в приоритете было стимулирование въезда и временного пребывания таких лиц в Российской Федерации, то сейчас – стимулирование постоянного проживания и получения гражданства Российской Федерации.

Ввиду того, что в качестве национальных целей развития Российской Федерации с 2025 года провозглашено достижение технологического лидерства и цифровая трансформация системы государственного и муниципального управления¹, среди новых стратегических задач миграционной политики появились развитие цифровой среды государственного управления и внедрение современных информационных технологий для обеспечения контроля в сфере миграции.

Интересно, что прежние задачи по созданию условий для снижения диспропорции в размещении населения и пространственному развитию страны, с которыми Российская Федерация продолжает сталкиваться, а также задачи по созданию благоприятного режима для свободного перемещения обучающихся, научных и педагогических работников в целях развития науки, профессионального образования, повышения уровня подготовки научных кадров и специалистов для отраслей экономики и сферы государственного управления Российской Федерации – уже не ставятся.

Вместе с тем эти проблемы с текущей повестки дня никуда не ушли, а их решение – это явная альтернатива для снижения миграционных потоков

проникновения потенциальных экстремистов и вербовщиков на территорию Российской Федерации, в том числе через сферу высшего образования в среду российской молодежи.

Более того, в контексте национальных целей никто не снимал с высших учебных заведений обязанности по достижению общего показателя по стране – не менее 500 тыс. иностранных обучающихся по образовательным программам высшего образования в российских образовательных организациях высшего образования и научных организациях к 2030 году и ежегодного уровня иностранных обучающихся от всего приведенного контингента – не менее 3 %². Также в новой концепции никак не отражен вопрос снятия административных барьеров с процесса миграционного сопровождения иностранных граждан, обучающихся в высших учебных заведениях.

Так, в целях сокращения временных, организационных и финансовых издержек, связанных с предоставлением государственных услуг и их получением, одним из основных направлений миграционной политики в области совершенствования механизмов профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации с 12 мая 2023 г. отмечено «совершенствование административных процедур в сфере миграции, в том числе использование формата многофункциональных центров, перевод государственных и муниципальных услуг в сфере миграции в электронный формат, использование федеральной государственной информационной системы “Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)” (далее – Единый портал), мобильных приложений и иных организационных и технических решений»³. В обновленной 15 октября 2025 г. концепции миграционной политики уже нет такого направления (как будто к 15 октября 2025 г. оно уже реализовано и перестало быть актуальным).

Однако реальное положение дел в этой сфере демонстрирует обратную ситуацию.

Так, на территории Уральского федерального округа нет ни одного образовательного учреждения высшего образования, которое использует в своей деятельности Единый портал. Данное заявленное в 2023 году направление миграционной политики пока носит чисто декларативный характер. Во-первых, доступ к Единому portalу от имени образовательной организации для получения услуги по миграционному учету иностранного гражданина имеет только ее руководитель (ректор), то есть нет возможности поручить выполнение данного функционала конкретному работнику профильного подразделения и делегировать соответствующие полномочия,

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 (п. 1) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

² Там же. 2024. № 20. Ст. 2584.

³ О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 окт. 2018 г. № 622: Указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 342 // Там же. 2023. № 20. Ст. 3534.

например полномочие по постановке на миграционный учет иностранного обучающегося. Во-вторых, ряд услуг (их реализация через Единый портал в электронном формате), как свидетельствуют данные с Единого портала, находится в стадии разработки. Иными словами, данное направление из концепции миграционной политики исключено, но до сих пор не реализовано. Очевидно, что экономические затраты на доработку Единого портала в этой части скромные, а эффект от его функционирования для образовательных организаций огромный. При этом не все полномочия включены в Единый портал, а если и включены, их реализация невозможна ввиду отсутствия специальных цифровых групп из-за их несформированности оператором портала. Отдельные полномочия являются взаимосвязанными. Таким образом, теряется весь смысл перевода отдельных полномочий в электронный формат. В частности, регистрационное действие по продлению срока временного пребывания на территории Российской Федерации осуществляется одновременно с регистрационным действием по постановке на миграционный учет. Последнее полномочие есть на Едином портале, а первое – нет.

Вместе с тем МВД РФ за период с января по сентябрь 2025 года отчиталось, что число предоставленных подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России государственных услуг по регистрации и снятию с регистрационного учета по месту пребывания и месту жительства выросло на 50,2 %, а общее число всех оказанных через Единый портал государственных услуг по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации превысило 5,5 млн, то есть выросло на 135,7 %¹. Однако это услуги, оказываемые напрямую иностранным гражданам, самостоятельно себя ставящим на миграционный учет, а не образовательным организациям, выступающим как принимающая сторона.

В итоге получается, что образовательная организация в отсутствие доступа к реализации услуг через Единый портал продолжает нести дополнительные расходы на сотрудников профильных подразделений для обеспечения посещения ими отделов по вопросам миграции и совершения регистрационных действий на бумажном носителе. Введение с 1 сентября 2025 г. государственной пошлины за совершение этих действий еще больше усугубило ситуацию².

Очевидно, что благая цель по снижению и контролю внутренней миграционной активности иностранных граждан экономическими методами привела к возложению на образовательные организации

как принимающую сторону дополнительной финансовой нагрузки – нагрузки, ничем не обеспеченной и не запланированной в федеральном бюджете на 2025 год в части финансирования образовательных организаций (данный закон вступил в силу ровно через месяц после своего официального опубликования).

Сложилась парадоксальная ситуация: достижение цели пополнения доходной части бюджета за счет введения новых пошлин возлагает дополнительную нагрузку на бюджетные образовательные учреждения, которые получают из этого же бюджета денежные средства на осуществление своего основного вида экономической деятельности.

Экономический смысл такого «налогового маневра» в сфере миграционной политики для образовательных организаций не очевиден, чего нельзя сказать про кратное увеличение организационной нагрузки по сопровождению оплаты государственной пошлины. Образовательным организациям становится всё сложнее организационно и невыгоднее экономически увеличивать долю иностранных студентов в общем приведенном контингенте и стремиться к достижению национальной цели в 500 тыс. иностранных обучающихся к 2030 году. Тем более что сопутствующие риски привлечения образовательных организаций и их должностных лиц к ответственности становятся всё более реальными, а профилактика проникновения субъектов экстремистской деятельности по данному каналу в лучшем случае уходит на второй план (у образовательных организаций просто не остается сил и средств этим заниматься, несмотря на постоянные запросы и поручения со стороны антитеррористических комиссий, созданных при высших должностных лицах субъектов РФ).

Так, постановку на учет по месту пребывания и продление срока временного пребывания иностранных студентов, проживающих в общежитиях образовательных организаций высшего образования, осуществляет сама образовательная организация как принимающая сторона, владеющая на праве оперативного управления соответствующими средствами размещения. Согласно пункту 3 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»³ срок представления уведомления о прибытии иностранного гражданина в место пребывания составляет семь рабочих дней со дня прибытия в место пребывания (на практике это означает «с момента пересечения границы»), в случае его нарушения для принимающей стороны наступает административная ответственность по статье 18.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Со-

¹ Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–сентябрь 2025 года. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437>.

² О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2025 г. № 271-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 4625.

³ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федер. закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от (ред. от 27.01.2023) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3285.

блюдение указанного срока становится всё более затруднительным ввиду того, что оплата образовательной организацией государственной пошлины через систему федерального казначейства занимает минимум двое суток. При пересечении государственной границы, например, обучающимися из Монголии проходит минимум три дня (при следовании ими железнодорожным сообщением), по истечении которых у прибывшего в Екатеринбург студента появляется реальная возможность для передачи необходимых документов (паспорт, миграционная карта) образовательной организации для подготовки к регистрационным действиям по их постановке на миграционный учет. Как правило, иностранные студенты не отличаются высоким уровнем ответственности и дисциплинированности, не всегда могут сообщить достоверную информацию о датах своего прибытия/убытия и представляют свои документы через 2–3 дня после приезда.

В случае непостановки обучающегося на миграционный учет ввиду неоплаты вузом государственной пошлины отсутствует возможность представить в отдел по вопросам миграции недостающие документы после истечения вышеуказанного семидневного срока, в связи с чем неизбежно наступление для образовательной организации административной ответственности по статье 18.9 КоАП РФ (штраф от 400 до 500 тыс. руб.) за каждый такой случай.

При этом образовательная организация не только не может отказаться оплачивать государственную пошлину в силу требований налогового законодательства, но и обязана производить такую оплату всякий раз, когда иностранный обучающийся будет по своей инициативе покидать территорию РФ (выходные, каникулы, праздничные дни) или перемещаться по территории РФ воздушным путем, заселяться в гостиницы, хостелы и т. п., а потом возвращаться в общежитие образовательной организации.

Образовательная организация, с одной стороны, не может ограничить конституционное право обучающегося на свободу передвижения, с другой – не может не исполнить установленную Налоговым кодексом РФ (далее – НК РФ) обязанность по оплате пошлины, ведь это будет являться нарушением законодательства, поскольку бюджетные (например, УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева) и автономные (например, УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина) образовательные учреждения функционируют на основе государственного задания и субсидии на его выполнение. Все их расходы (ст. 69.2, 78.1 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ)) должны быть направлены на выполнение этого задания или на иную деятельность, приносящую доход. Обязанность платить госпошлину за административные действия, связанные с миграционным учетом и продлением

срока временного пребывания иностранного гражданина на территории РФ, не входит в государственное задание по образовательной деятельности и не является коммерческой услугой, оказываемой вузом. Это внешнее обязательство, исполнение которого финансово никак не обеспечено.

Казенные образовательные учреждения (например, Уральский институт МВД России), в свою очередь, действуют на основе бюджетной сметы (ст. 161 БК РФ), которая является планом их расходов. Если в бюджетной смете отсутствует статья на уплату госпошлины за постановку на миграционный учет и продление срока временного пребывания на территории Российской Федерации, то осуществление таких расходов прямо запрещено бюджетным законодательством, то есть расходы, не включенные в бюджетную смету, казенное учреждение произвести не вправе.

При этом действующее налоговое законодательство вразрез с утвержденной 15 октября 2025 г. Концепцией миграционной политики в РФ не возлагает обязанность по оплате государственной пошлины на самого иностранного обучающегося, проживающего в средствах размещения принимающей стороны, несмотря на то что целью данных нововведений в НК РФ является именно экономическое стимулирование уменьшения миграции иностранных граждан внутри страны и надлежащий контроль места их нахождения, в том числе в период обучения в образовательных учреждениях. Как справедливо отмечается специалистами, университеты и так тратят свои ресурсы на обеспечение комфортной жизни иностранного студента в России [3, с. 137].

Вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере миграции

Уголовное законодательство также контролирует эту сферу, введя уголовную ответственность за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации, изменив при этом с 9 ноября 2024 г. категорию данного преступления с небольшой тяжести на среднюю (ст. 322.3 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)).

Подобное состояние дел в вышеописанной сфере на современном этапе уже не обходится без уголовного преследования должностных лиц высших учебных заведений, поскольку под фиктивной постановкой на учет иностранных граждан или лиц без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации уголовный закон теперь понимает «постановку иностранных граждан или лиц без гражданства на учет по месту пребывания в Российской Федерации в помещении без их намерения фактически проживать (пребывать) в этом помещении»¹.

¹ См.: Примечание № 1 к ст. 322.3 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Таким образом, сопутствующим образом на руководителей образовательных организаций как на принимающую сторону возлагается обязанность фактического контроля прибывающих на обучение иностранных граждан по месту пребывания. А это обстоятельство взаимосвязано с пресечением канала проникновения субъектов экстремистской деятельности под видом обучающихся на территорию Российской Федерации.

О том, что дела в этой сфере обходятся не лучшим образом, свидетельствует правоприменительная практика. Так, согласно сообщению ТАСС от 14 февраля 2025 г., в ходе следственных действий установлено, что в Нижегородском государственном агро-технологическом университете иностранные граждане зачислялись на бюджетные места без сдачи обязательных экзаменов на знание русского языка, истории и основ законодательства Российской Федерации, после чего фиктивно трудоустраивались на территории области, не проходя при этом в университете какого-либо обучения. Указанные факты послужили основанием для возбуждения в отношении ректора Нижегородского государственного агро-технологического университета уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного пунктами «а» и «б» части 2 статьи 322.1 УК РФ¹.

По сообщению ТАСС от 11 июня 2025 г.², ректор Гатчинского государственного университета заключил договор с индивидуальным предпринимателем из Московской области о приглашении в университет иностранных студентов, для чего поручил бывшему проректору подготовить фиктивные приглашения на обучение иностранцам из Сирии, Египта, Пакистана. Возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного пунктами «а» и «в» части 2 статьи 322.1 УК РФ.

Согласно сообщению АО «Росбизнесконсалтинг» от 10 февраля 2025 г.³, в Ульяновском государственном техническом университете с 2022 по 2025 год на бюджетные места необоснованно были зачислены не менее 129 иностранных студентов, не владеющих русским языком и, соответственно, неспособных осваивать образовательную программу, реализуемую на русском языке. Возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 3 статьи 285 УК РФ.

Согласно сообщению издания «Акценты», в феврале 2025 г. возбуждено уголовное дело в отношении ректора Карачаево-Черкесского государственного университета, подозреваемого в подделке документов о прохождении обучения иностранными гражданами, у которых истек срок временного пребывания на территории Российской Федерации.

Возбуждено уголовное дело в отношении исполняющей обязанности директора Лесниковского филиала Курганского государственного университета, подозреваемой в организации незаконной миграции и превышении должностных полномочий по факту фиктивного зачисления на обучение иностранных студентов, которые не посещали занятия.

В Дагестане приговором суда признан виновным сотрудник отдела международных отношений и внешних связей Дагестанского аграрного университета, организовавший канал нелегальной миграции под видом студентов из числа граждан Сирии⁴.

Таким образом, часто образовательные организации выступают «прикрытием» для легализации нахождения иностранных граждан на территории Российской Федерации, которые с высокой степенью вероятности могут быть субъектами вербовки и вовлечения в экстремистскую деятельность российской молодежи.

Уголовное преследование по связанным преступлениям

Появление достаточно большого числа иностранных граждан, по факту не стремящихся получать образование в российских образовательных учреждениях, не только влечет рост рисков нарушения миграционного законодательства вузом как принимающей стороной, но и возлагает на образовательные организации дополнительные обязанности по контролю фактического места нахождения таких «обучающихся» на территории Российской Федерации, а самое главное – существенно возрастают риски вовлечения такой молодежи в противоправную, в том числе экстремистскую и террористическую, деятельность. При этом такие иностранные студенты могут выступать как в качестве потерпевших, так и в качестве субъектов вовлечения (вербовки) российской молодежи в данный вид преступной деятельности.

В доктрине уголовного процесса такое явление именуется «связанным преступлением» [25, с. 580–589; 26, с. 562; 2, с. 32; 20, с. 9; 27, с. 63–138; 7, с. 47–51; 21, с. 235–240; 15, с. 504–515]. Например, это могут быть связанные с основным составом преступлений экстремистской и террористической направленности такие составы, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления экстремисткой направленности (ст. 150 УК РФ), дача и получение взятки за организацию незаконной миграции (ст. 290–291 УК РФ), публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ) и др. Небезынтересно в этой связи, что негативные последствия, наступающие в

¹ URL: <https://tass.ru/proisshествiya/23230279>

² URL: <https://tass.ru/proisshествiya/24198661>

³ URL: <https://www.rbc.ru/society/10/02/2025/67a9a80c9a7947606f454b83>

⁴ URL: <https://akcent.site/novosti/39771>

результате совершения таких основных преступлений, отражаются не только на безопасности государства, сохранении основ конституционного строя или порядка управления, но и на лице, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование по основному уголовному делу (например, на несовершеннолетнем, вовлеченном в организацию незаконной миграции субъектов экстремистской деятельности). Данные вопросы уже поднимались специалистами, в том числе с позиции реляционных аспектов выявления признаков потерпевшего [30, с. 103–124; 29, с. 157–174], но на практике они не всегда имеют однозначное решение.

Так, несмотря на то что современная законодательная конструкция назначения уголовного судопроизводства устанавливает безусловный приоритет защиты прав и законных интересов личности потерпевшего [16, с. 78], в следственной практике в большинстве случаев лица, которым причинен вред «связанным преступлением», допускаются к участию в деле в качестве свидетелей, а не потерпевших. Как верно отмечалось специалистами (до принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)) [17, с. 10–11], такая практика является порочной: не могут допрашиваться в качестве свидетеля лица, в отношении которых возбуждено уголовное дело, либо в деле имеются показания, на основании которых можно сделать предположительный вывод об их виновности в совершении преступления. Любые процессуальные действия, производимые следователем в ходе досудебного производства: возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения и т. д., – являются средствами защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но никак не реализацией уголовной ответственности [8, с. 60; 4, с. 33], то есть необходимо учитывать фактическое, а не только формальное процессуальное положение лица [18, с. 90, 174].

Справедливости ради отметим, что современная судебная практика постоянно совершенствуется. Конституционный Суд РФ как минимум дважды обратил внимание на особые правила признания потерпевших по уголовным делам по «связанным» преступлениям, указав следующее: во-первых, часть 4 статьи 150 УК РФ и часть 1 статьи 42 УПК РФ предполагают признание лица потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления независимо от способа такого вовлечения¹; во-вторых, часть 1 статьи 42 УПК РФ во взаимосвязи с положениями статьи 290 УК РФ предполагает признание лица, которое отказалось от предложения о даче взятки, сообщило о данном предложении в правоохранительные органы и

содействовало изобличению виновных, потерпевшим по уголовному делу о получении взятки².

Однако, несмотря на позитивные тенденции в этом вопросе, вышеприведенные правовые позиции Конституционного Суда РФ требуют отдельного комментария.

По уголовным делам о преступлении, предусмотренном статьей 150 УК РФ, в соответствии с частью 6 статьи 151 УПК РФ предварительное следствие производится следователями того органа, к чьей подследственности относится преступление, в связи с которым возбуждено соответствующее уголовное дело. Уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления вместе со взрослым, если это возможно, выделяется в отдельное производство; если это невозможно, к несовершеннолетнему обвиняемому, привлеченному по одному уголовному делу со взрослым, применяются правила главы 50 УПК РФ (ст. 422 УПК РФ).

Таким образом, в первом случае на практике сначала, как правило, рассматривается уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, а затем дело в отношении взрослого соучастника, вовлекшего несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности. Тогда не происходит по основному и «связанному» преступлению нарушения принципа состязательности, предусмотренного статьей 15 УПК РФ, – вовлеченный несовершеннолетний выступает по одному делу потерпевшим, по другому – обвиняемым.

Другой пример: правоприменитель признает невозможным выделение уголовного дела по статье 150 УК РФ в отношении несовершеннолетнего. В таком случае признание несовершеннолетнего потерпевшим по статье 150 УК РФ может привести к тому, что в одном и том же лице будут совмещены процессуальные статусы двух участников уголовного судопроизводства (со стороны обвинения и со стороны защиты), то есть с прямо противоположными процессуальными функциями, а несовершеннолетний потерпевший вынужден будет давать правдивые показания о собственных преступных действиях, в которые он был вовлечен, завербован (ст. 307, 308 УК РФ).

В этой связи представляется целесообразным ввести запрет на одновременное рассмотрение в рамках одного уголовного дела основного и «связанного» преступления, а также установить процессуальную последовательность: уголовное дело в отношении взрослых соучастников, в том числе с обвинением по статье 150 УК РФ, рассматривается позднее уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления экстремистской направленности или организацию

¹ См.: п. 1 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. №26-П по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 150 УК РФ и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 УПК РФ в связи с жалобой граждан М. В. Золотаревой и В. В. Фроловой // Собр. законодательства Российской Федерации. 2023. № 23 (ч. 2). Ст. 4272.

² См.: п. 1 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 1 окт. 2024 г. №42-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 42 УПК РФ в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко // Там же. 2024. № 41. Ст. 6205.

незаконной миграции субъектов экстремистской деятельности. Такой алгоритм позволит решить вопрос о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон по части 1 статьи 150 УК РФ, а также исключит вопрос неправомерности приговора по основному делу в случае оправдания взрослого по статье 150 УК РФ.

Отметим, что реализуемая с 2023 года Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года в современных условиях относит к одной из основных угроз безопасности детей вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность¹.

Применительно к преступлениям экстремистской направленности, по данным ГИАЦ МВД России, с 2020 по 2024 год было зарегистрировано 6515 таких преступлений (в 2020 г. – 833, 2021 г. – 1057, 2022 г. – 1566, 2023 г. – 1340, 2024 г. – 1719) и выявлено 5089 лиц, их совершивших (в 2020 г. – 664, 2021 г. – 924, 2022 г. – 1078, 2023 г. – 1035, 2024 г. – 1387). Среди них число несовершеннолетних составляет 398 человек. При этом отдельно стоит отметить выявленные случаи вовлечения несовершеннолетнего лица в совершение преступлений экстремистской направленности. Так, по части 4 статьи 150 УК РФ зарегистрировано 21 преступление (в 2020 г. – 0, 2021 г. – 6, 2022 г. – 8, 2023 г. – 2, 2024 г. – 5)².

По данным Росфинмониторинга³ по состоянию на 2025 год, из 18 650 человек, включенных в национальную часть Перечня террористов и экстремистов, число лиц младше 18 лет составляет 251 человек (от 14 до 15 лет – 51 человек, от 16 до 17 лет – 200 человек).

Как показывает практика, одними из традиционных каналов вербовки являются культурные и образовательные обмены, а наиболее распространенными способами вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, по свидетельству специалистов [11, с. 121; 12, с. 128, 130; 23, с. 148], остаются:

- вовлечение родственником несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность;
- вовлечение несовершеннолетнего под предлогом финансовой выгоды;
- вовлечение несовершеннолетнего путем пропагандистского воздействия на личность через сеть

Интернет, формирование молодежных киберсубкультур (аниме и др.).

В сочетании с современными технологиями через социальные сети, мессенджеры, форумы, игровые платформы эти способы позволяют незаметно влиять на подвижное сознание российской молодежи, постепенно подводя к выполнению заданий, которые служат интересам экстремистских сообществ.

Вербовка в деятельность экстремистского сообщества или организации

Не менее интересным образом складывается правоприменительная практика в контексте осмысления собственно понятия вербовки в деятельность экстремистского сообщества или организации.

Первое. Если в отношении экстремистского сообщества трудностей в правоприменении в целом нет, то в отношении экстремистской организации – явно есть. Ведь чтобы завербовать или иным образом вовлечь в деятельность экстремистской организации, ее сначала в соответствии с установленной процедурой надо признать таковой. Именно поэтому законодатель с 23 июля 2025 г. изменил редакцию части 1.1 статьи 282.2 УК РФ⁴.

Второе. С 28 октября 2021 г. вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации, совершенное организатором (руководителем) таких сообщества или организации, является видом вербовки⁵, при этом вступление в силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица, создавшего или руководившего таким сообществом, является с 23 декабря 2025 г. самостоятельным основанием считать такие сообщества экстремистскими без отдельного предварительного признания таковыми в соответствии с законодательством РФ⁶.

Третье. С 3 ноября 2016 г. в судебной практике выделяются следующие способы вербовки в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации: уговоры, подкуп, угрозы, убеждение, просьба, предложение, применение физического воздействия, поиск лиц⁷ – несмотря на

¹ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2023. № 21. Ст. 3696.

² Статистика и аналитика. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>

³ Перечень террористов и экстремистов (весь список). URL: <https://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act>

⁴ О внесении изменений в статью 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 393 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июля 2025 г. №216-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2025. № 30 (ч. 1). Ст. 4365.

⁵ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 окт. 2021 г. № 32 (п. 8) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 12.

⁶ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 дек. 2025 г. № 43 (п. 19). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 нояб. 2016 г. № 41 (п. 12) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

то что практика знает и другие способы вербовки, например, такие как шантаж, обещание вознаграждения, обман или злоупотребление доверием¹. Вместе с тем не всегда на практике ясна цель вербовки, хотя для доктрины она достаточно очевидна – это получение согласия потерпевшего на совершение определенных преступных действий экстремистской направленности.

Четвертое. В соответствии с международными договорами РФ, которые по юридической силе выше УК РФ и иных федеральных законов², при вербовке лиц для участия в подготовке либо совершении экстремистских актов под последним понимается не только организация и участие в деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), но и, например, любое преступное деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, или организация вооруженного мятежа и участие в нем в экстремистских целях; или разжигание политической розни, или пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его политической принадлежности³. Иными словами, данное понятие трактуется более расширительно по сравнению с действующим национальным уголовным законом. Вместе с тем современной судебной практикой с 23 декабря 2025 г. из конструкции экстремизма исключены случаи критики политических или общественных деятелей в связи с исполнением ими своих полномочий или осуществлением иных действий, обусловленных их статусом, а также случаи использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии⁴.

Пятое. Не исключается осуществление уголовной юрисдикции в соответствии с национальным законодательством государства – участника Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму на территории другой страны (ч. 4 ст. 5 Конвенции).

Выводы

Таким образом, следует сделать вывод о том, что вербовка имеет самостоятельное юридическое значение и ее не следует отождествлять с собственно экстремизмом. Способы вербовки направлены на достижение согласия потерпевшего на совершение экстремистского акта, а национальная уголовная юрисдикция может распространяться за пределами территории страны – участника международного договора РФ.

Проведенный анализ, безусловно, не описывает весь спектр проблем, с которыми сталкиваются (могут столкнуться) образовательные организации высшего образования, а лишь вскрывает предпосылки этих проблем, а также указывает на недостатки существующей Стратегии противодействия экстремизму и принимаемых в ее развитие концепций государственной миграционной политики в Российской Федерации. Стратегические задачи новой концепции государственной миграционной политики требуют корректировки и совершенствования, в частности в сфере образования.

Библиографический список

1. Авдонин В. С., Мелешкина Е. Ю. Российские журналы по политической науке сквозь призму библиометрических показателей // Полис. Политические исследования. 2025. № 1. С. 173–191. DOI 10.17976/jpps/2025.01.13
2. Алексеева Г. А., Прошляков А. Д. Мелкое хищение чужого имущества // Юридический вестник. 2000. № 1–2. С. 32–33.
3. Аникина М. С. Особенности правового положения иностранных граждан, обучающихся на образовательных программах высшего образования // Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 7 декабря 2023 г.). СПб.: С.-Петерб. акад. Следственного Комитета Российской Федерации» 2024. С. 135–138.
4. Аникина М. С., Козубенко Ю. В. Межотраслевой механизм уголовно-правового регулирования и уголовное преследование. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2021. 160 с.
5. Воробьев Д. М. Развитие политологического сообщества в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2004. № 6. С. 151–161. DOI 10.17976/jpps/2004.06.19

¹ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 дек. 2019 г. № 58 (п. 13) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

² О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

³ См.: подп. 3 п. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. №1. С. 29–36; подп. 3 п. 1 ст. 2 Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (вступила в силу 12.10.2019) // Бюллетень международных договоров. 2020. № 4. С. 3–16.

⁴ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 дек. 2025 г. № 43 (п. 7, 22 (3)). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гельман В. Я. Политическая наука и современные исследования российской политики: перемены и вызовы // Политическая наука. 2012. № 1. С. 8–23.
7. Зоиров Д. А. Механизмы вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность в сети интернет (по материалам Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 2. С. 74–78. DOI 10.23672/SAE.2024.90.57.014
8. Ильницкий А. С. Криминогенный потенциал субкультуры «Аниме» в сети интернет и механизм вовлечения несовершеннолетних в преступное и суицидальное поведение // Передовой опыт мировой криминологии: сб. материалов II Междунар. форума (г. Самарканд, 17–18 ноября 2025 г.) / Ин-т криминологии Республики Узбекистан. Ташкент, 2025. С. 127–132.
9. Ковтун Н. А. Прикосновенность к преступлению и ее отличие от института соучастия // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2020. № 6-1. С. 47–51.
10. Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 505 с.
11. Кондратьева Т. С. Великобритания: радикализация мусульманского сообщества (обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 4. С. 98–120.
12. Корсаков К. В. Противодействие вовлечению российской молодежи в ряды террористов и экстремистов как элемент системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 205–215. DOI 10.17223/15617793/516/23
13. Миронов С. Н. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в интересах иностранного государства // Передовой опыт мировой криминологии: сб. материалов II Междунар. форума (г. Самарканд, 17–18 ноября 2025 г.) / Ин-т криминологии Республики Узбекистан. Ташкент, 2025. С. 120–123.
14. Плещунов Ф. О. Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация мусульманской молодежи в стране // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2009. № 1. С. 100–108.
15. Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра (Материалы научного семинара) // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 141–156. DOI 10.17976/jpps/2006.01.11
16. Русман Г. С., Прошляков А. Д. Потерпевший по взаимосвязанным преступлениям (на примере практики применения норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации) // Виктимология. 2024. Т. 11, № 4. С. 504–515. DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-4-504-515
17. Сафарзода Х. С., Ахёзода Ш. Т. Концептуальные основы общесоциальной профилактики экстремизма // Передовой опыт мировой криминологии: сб. материалов II Междунар. форума (г. Самарканд, 17–18 ноября 2025 г.) / Ин-т криминологии Республики Узбекистан. Ташкент, 2025. С. 145–156.
18. Смирнова И. Г. Уголовно-процессуальная стратегия: конфликт целеполагания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. №28. С. 76–82. DOI 10.17223/22253513/28/7
19. Татьяна Л. Г. Предварительное расследование многоэпизодных групповых дел о преступлениях несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. С. 10–11.
20. Уголовный процесс: учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 888 с. DOI 10.12737/1699408
21. Фишман Л. Г. Упадок демократии и «закат» политологии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. № 3. С. 79–88.
22. Хорищенко Ю. Г. Особенности уголовного судопроизводства по делам о взаимосвязанных преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 197 с.
23. Шеслер А. В. Прикосновенность к преступлению как предмет уголовно-правового исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 235–240. DOI 10.35750/2071-8284-2020-1-235-240
24. Doosje B., Loseman A., van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. Pp. 586–604. DOI 10.1111/josi.12030
25. Feller S. Z. The Provisions Relating to the Typical Form of an Offence and Their Application to Its Derivative Forms of Criminal Conduct // Israel Law Review. 1967. Vol. 2. Pp. 580–589.
26. Feller S. Z. The Application of Presumptions to the Derivative Forms of an Offence // Israel Law Review. 1968. Vol. 3. Issue 4. Pp. 562–578.
27. Hallevy G. The Matrix of Derivative Criminal Liability. London, 2012. 308 p. DOI 10.1007/978-3-642-28105-1
28. Ilyin M., Malinova O., Patrushev S. Political Science in Russia: Development of a Profession. Political Science in Central-East Europe: Diversity and Convergence. Opladen: Barbara Budrich, 2010. Pp. 131–150.
29. Marshall H. Victim as a Relative Status // Theoretical Criminology. 2024. Vol. 28. № 2. Pp. 157–174. DOI 10.1177/13624806231186393
30. Suárez-Soto E. et al. Víctimas o Delincuentes?: Jóvenes implicados en los sistemas de protección y justicia juvenil en Cataluña: Un estudio exploratorio // Revista de Victimología / Journal of Victimology. 2018. № 8. Pp. 103–124. DOI 10.12827/RVJV.8.04
31. Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P. G. No Radicalization Without Identification: How Ethnic Dutch and Dutch Muslim Web Forums Radicalize Over Time // Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective. Oxford: Blackwell Wiley, 2010. Pp. 256–274.

References

1. Avdonin V. S., Meleshkina E. Yu. Russian Journals on Political Science Through the Prism of Bibliometric Indicators. *Polis. Political Studies*. 2025. Issue 1. Pp. 173–191. DOI 10.17976/jpps/2025.01.13 (In Russ.)
2. Alekseeva G. A., Proshlyakov A. D. *Melkoe khishchenie chuzhogo imushchestva* [Petty Theft of Someone Else's Property]. *Juridicheskij vestnik* – Legal Bulletin. 2000. Issue s 1–2. Pp. 32–33 (In Russ.)
3. Anikina M. S. The Legal Status of Foreign Citizens Studying in Higher Education Programs. *Aktual'nye voprosy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti* [Current Issue s in Ensuring National Security]: Proc. of II International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2024. Pp. 135–138. (In Russ.)
4. Anikina M. S., Kozubenko Yu. V. *Mezhotraslevoy mekhanizm ugovovno-pravovogo regulirovaniya i ugovovnoe presledovanie* [Intersectoral Mechanism of Criminal Law Regulation and Criminal Prosecution]. Yekaterinburg, 2021. 160 p. (In Russ.)
5. Vorobyov D. M. Development of Political Science Community in Post-Soviet Russia. *Polis. Political Studies*. 2004. Issue 6. Pp. 151–161. DOI 10.17976/jpps/2004.06.19 (In Russ.)
6. Gelman V. Ya. *Politicheskaya nauka i sovremennye issledovaniya rossiyskoy politiki: peremeny i vyzovy* [Political Science and Contemporary Research on Russian Politics: Changes and Challenges]. *Politicheskaya nauka* – Political Science. 2012. Issue 1. Pp. 8–23. (In Russ.)
7. Zoirov D. A. Mechanisms of Involvement of Young People in Extremist Activities on the Internet (based on the materials from the Russian Federation and the Republic of Tajikistan)] *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshhestvennye nauki* – Humanities, Social-Economic and Social Sciences. 2024. Issue . 2. Pp. 74–78. DOI 10.23672/SAE.2024.90.57.014 (In Russ.)
8. Ilitsky A. S. The Criminogenic Potential of the “Anime” Subculture on the Internet and the Mechanism of Involving Minors in Criminal or Suicidal Behavior. *Sbornik materialov II Mezhdunarodnogo foruma “Peredovoj opyt mirovoj kriminologii”* [Proc. of II International Forum “Advanced experience in global criminology” (November 17–18 , 2025, Samarkand). Tashkent, 2025. Pp. 120–123 (In Russ.)
9. Kovtun N. A. Prikosnovennost k prestupleniyu i ee otlichie ot instituta souchastiya [The Connection to a Crime and Its Difference from the Institution of Complicity]. *Obshhestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii* – Public Security, Legality, and Law and Order in the Third Millennium. 2020. Issue 6-1. Pp. 47–51. (In Russ.)
10. Kozubenko Yu. V. *Ugovovno-protsessualnye aspekty mezhotraslevogo mekhanizma ugovovno-pravovogo regulirovaniya* [Criminal Procedure Aspects of the Intersectoral Mechanism of Criminal Law Regulation]. Dr. jurid. sci. diss. Yekaterinburg, 2018. 505 p. (In Russ.)
11. Kondratyeva T. S. Velikobritaniya: radikalizatsiya musulmanskogo soobshchestva (obzor) [Great Britain: Radicalization of the Muslim Community (Review)]. *Aktual'nye problemy Evropy* – Current Issue s in Europe. 2008. Issue 4. Pp. 98–120. (In Russ.)
12. Korsakov K. V. Countering the Involvement of Russian Youth in the Ranks of Terrorists and Extremists as an Element of the System of Combating Terrorist and Extremist Activity. *Tomsk State University Journal*. 2025. Issue 516. Pp. 205–215. DOI 10.17223/15617793/516/23 (In Russ.)
13. Mironov S. N. Prevention of the Involvement of Minors in Unlawful Activities in the interests of a Foreign State]. *Sbornik materialov II Mezhdunarodnogo foruma “Peredovoj opyt mirovoj kriminologii”* [Proc. of II International Forum “Advanced experience in global criminology” (November 17–18, 2025, Samarkand). Tashkent, 2025. Pp. 120–123 (In Russ.)
14. Pleshchunov F. O. Politika multikulturalizma v Velikobritanii i radikalizatsiya musulmanskoy molodezhi v strane [The Policy of Multiculturalism in the UK and the Radicalization of Muslim Youth in the Country]. *Vostok. Afroaziatskie obshhestva: istoriya i sovremennost'* – East. Afro-Asian Societies: History and Modernity. 2009. Issue 1. Pp. 100–108. (In Russ.)
15. Political Science in Russia: Yesterday, Today, Tomorrow (materials of a scholarly seminar). *Polis. Political Research*. 2006. Issue 1. Pp. 141–156. DOI 10.17976/jpps/2006.01.11 (In Russ.)
16. Rusman G. S., Proshlyakov A. D. Victim of Related Crimes (on the example of the practice of applying the norms of the criminal procedure legislation of the Russian Federation). *Victimology*. 2024. Vol. 11. Issue 4. Pp. 504–515. DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-4-504-515 (In Russ.)
17. Safarzoda Kh. S., Akhiozoda Sh. T. Conceptual Foundations of General Social Prevention of Extremism. *Sbornik materialov II Mezhdunarodnogo foruma “Peredovoj opyt mirovoj kriminologii”* [Proc. of II International Forum “Advanced experience in global criminology” (November 17–18, 2025, Samarkand). Tashkent, 2025. Pp. 145–156 (In Russ.)
18. Smirnova I. G. Criminal Procedure Strategy: Conflict of the Goal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 2018. Issue 28. Pp. 76–82. DOI 10.17223/22253513/28/7 (In Russ.)
19. Tatyana L. G. *Predvaritelnoe rassledovanie mnogoepizodnykh gruppovykh del o prestupleniyakh nesovershennoletnikh* [Preliminary Investigation of Multi-Episode Group Cases of Juvenile Crimes]. Dis. ... Cand. Law. Sciences. Izhevsk, 1998. Pp. 10–11. (In Russ.)
20. Proshlyakov A. D. et al. *Criminal Proceedings*. Moscow, 2022. 888 p. DOI 10.12737/1699408 (In Russ.)
21. Fishman L. G. Upadok demokratii i “zakat” politologii [The Decline of Democracy and the “Decline” Of Political Science]. *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz*. – Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast. 2008. Issue 3. Pp. 79–88. (In Russ.)

22. Khorishchenko Yu. G. *Osobennosti ugovnogo sudoproizvodstva po delam o vzaimosvyazannykh prestupleniyakh*: [Criminal Proceedings in Cases of Related Crimes]: Cand. jurid. sci. diss. Yekaterinburg, 2003. 197 p. (In Russ.)

23. Shesler A. V. The Implication to Crime as a Subject of Criminal Law Research. *Vestnik of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. Issue 1 (85). Pp. 235–240. DOI 10.35750/2071-8284-2020-1-235-240 (In Russ.)

24. Doosje B., Loseman A., van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. Pp. 586–604. DOI 10.1111/josi.12030 (In Eng.)

25. Feller S. Z. The Provisions Relating to the Typical Form of an Offence and their Application to Its Derivative Forms of Criminal Conduct. *Israel Law Review*. 1967. Vol. 2. Pp. 580–589. (In Eng.)

26. Feller S. Z. The Application of Presumptions to the Derivative Forms of an Offence. *Israel Law Review*. 1968. Vol. 3. Issue 4. Pp. 562–578. (In Eng.)

Информация об авторе:

Ю. В. Козубенко

Доктор юридических наук, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова, начальник управления международного сотрудничества

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Заведующий кафедрой права

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

ORCID 0000-0002-1725-124X

27. Hallevy G. *The Matrix of Derivative Criminal Liability*. London, 2012. 308 p. DOI 10.1007/978-3-642-28105-1 (In Eng.)

28. Ilyin M., Malinova O., Patrushev S. Political Science in Russia: Development of a Profession. *Political Science in Central-East Europe: Diversity and Convergence*. Opladen: Barbara Budrich, 2010. Pp. 131–150. (In Eng.)

29. Marshall H. Victim as a Relative Status. *Theoretical Criminology*. 2024. Vol. 28. Issue 2. Pp. 157–174. DOI 10.1177/13624806231186393 (In Eng.)

30. Suárez-Soto E. et al. Víctimas o Delincuentes?: Jóvenes implicados en los sistemas de protección y justicia juvenil en Cataluña: Un estudio exploratorio. *Revista de Victimología / Journal of Victimology*. 2018. Issue 8. Pp. 103–124. DOI 10.12827/RVJV.8.04 (In Span.)

31. van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P.G. No Radicalization Without Identification: How Ethnic Dutch and Dutch Muslim Web Forums Radicalize Over Time. *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective*. Oxford: Blackwell Wiley, 2010. Pp. 256–274. (In Eng.)

About the author:

Yu. V. Kozubenko

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolskaya st., Yekaterinburg, 620066, Russia

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira st., Yekaterinburg, 620062, Russia

ORCID 0000-0002-1725-124X